

УДК 391/393(510)
DOI: 10.17223/19988613/58/3

Б.Р. Зориктуев

НАЗВАНИЯ *СТАРЫЕ* *БАРГУТЫ* И *НОВЫЕ* *БАРГУТЫ* КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРИПЕТИЙ ИСТОРИИ ДВУХ БАЙКАЛЬСКИХ ЭТНОСОВ В XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Исследована малоизвестная история двух монголоязычных этносов Северо-Восточного Китая – старых баргутов и новых баргутов – в XVII – первой трети XVIII вв. Основное внимание уделено анализу слов *старые* и *новые* в названиях обеих групп, которые были получены от маньчжуров после вступления в знаменные войска. В них сфокусированы важнейшие эпизоды истории этнических общностей баргут и хори в период Цинской империи в Восточной Халхе и в Маньчжурии после исхода из Баргуджин-Токума.

Ключевые слова: Цзэн-хан; маньчжурская экспансия; война Якса; знаменное войско.

В Северо-Восточном Китае, в городском округе Хулун-Буир (адм. центр – г. Хайлар) Автономного района Внутренняя Монголия, в обширной хулун-буирской степи между р. Аргунь и Большим Хинганским хребтом компактно обитают два монголоязычных этноса с несколько перекликающимися по звучанию названиями. В восточной части Хулун-Буира, в Старобаргутском хошуне (Хуушан Барга хошуун, адм. центр – пос. Баян-Хурээ), живут старые баргуты (самоназв. – *барга*, числ. – около 10 тыс. чел.). Первоначальная их родина находилась на восточном берегу Байкала, в Средневековье представлявшего собой левое крыло области Баргуджин-Токум по обе стороны водоема. Отдаленными предками была тюрко-телеская общность байырку, более близкими – известное по монгольским событиям XIII в. племя баргут [1]. Местообитание баргутов локализовалось той же территорией, где произошло становление байырку, – долиной р. Баргузин в Забайкалье.

Западную часть Хулун-Буира занимают новые баргуты (самоназв. – *шинэ барга*, числ. – около 20 тыс. чел.). Они живут в Новобаргутском Восточном (Шинэ Барга Зүүн хошуун, адм. центр – пос. Амгалан) и Новобаргутском Западном хошунах (Шинэ Барга Баруун хошуун, адм. центр – пос. Алтан Эмээл). Новые баргуты также помнят имя своей прежней родины – Баргуджин-Токум. До ухода в Китай они были частью племенной группы хори, этногенез которой прослеживается до сопредельных районов Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии. Оттуда хоринцы перешли на западную сторону Байкала, после через о. Ольхон стали постепенно выбираться в Забайкалье [2. С. 155–158]. Там в середине XVII в. они активно осваивали правобережье низовья Селенги, долину Уды и верхнее течение Хилка. На местах нынешнего расселения к востоку от Байкала хоринцы закрепились в 40-х гг. XVIII в.

То, что хулун-буирские баргуты состоят из двух разных по происхождению этносов, необходимо знать и учитывать в своей работе исследователям. Однако на практике это важнейшее требование по существу не выдерживается. Работ об истории китайских баргутов не так много. В числе основных можно назвать труды

Баранова [3. С. 14–17; 4. С. 200–204], В.А. Кормазова [5], С. Сундуй [6], Д.Д. Нимаева [7], Галзуга Тубшинимы [8], Д. Буяндэлгэра [9], А. Очира и Ж. Гэрэлбадраха [10], Х. Мешига [11]. Не раскрывая здесь содержание каждой работы, отмечу только, что в них постулируется ошибочный тезис об изначальном существовании единого баргутского этноса, сложившегося в районе Байкала и распавшегося не то в Халхе в середине XVII в., не то в районе Большого Хингана в начале XVIII в. на две группы старых и новых баргутов. Авторы вводят в заблуждение имеющееся в названиях обеих групп слово *баргут*. Ошибки можно было бы избежать, если бы ими был проведен целенаправленный разбор терминов *старые* и *новые*. Однако исследования ограничивались простой констатацией факта существования баргутских этносов с такими компонентами в названиях, что ощутимо снижает их научную ценность. Между тем изучение немногочисленных публикаций, в которых в той или иной степени рассмотрено происхождение слов *старые* и *новые* в названиях некоторых групп маньчжуров и монголов [12. С. 8–12, 367–375; 13. С. 154–162], показывает, что в них заключена важнейшая информация об истории данных народов в период Цинской империи. Если с этой позиции подойти к проблеме актуальности изучения первых частей названий *старые* и *новые баргуты*, то не вызывает сомнений, что их анализ тоже позволил бы получить результаты, подтверждающие существование двух самостоятельных баргутских этносов, которые в эпоху маньчжурского господства во Внутренней Азии разными и сложными путями пришли в Хулун-Буир, и каждый из них обладал только ему присущими этническими признаками, чем они отличались друг от друга. Однако подобное исследование до настоящего времени не то, что не проведено, а даже не было ни единой попытки его реализации.

Имеющийся пробел в некоторой степени призвана восполнить настоящая статья. В ней поставлена цель раскрыть генезис компонентов *старые* и *новые* в наименованиях *старые баргуты* и *новые баргуты* и на этой основе реконструировать историю этносов баргут и хори в период Цинской империи в Восточной

Халхе и Маньчжурии после ухода из Байкальского региона в XVII – первой трети XVIII в.

Обозначенная цель обусловила решение следующих задач: выяснить приблизительное время ухода баргутов с Байкала на Амур; установить, когда и где произошла на Амуре война Якса, в ходе которой баргуты были уведены маньчжурами в более южные районы Китая; определить район, где баргуты были включены в маньчжурское знаменное войско и получили название *старые баргуты*; дать общую характеристику межплеменных отношений в районе Байкала в начале XVII в.; определить социальный статус племенной общности хори по отношению к халхасскому Цэцэн-хану; установить время зачисления хоринцев в монгольское знаменное войско; выявить, какими внешними факторами было обусловлено появление у хоринцев второго названия *баргуты*, которое с полученным от маньчжуров наименованием *новые* стало их самоназванием в Хулун-Буире.

При написании статьи использованы неопубликованные и опубликованные архивные источники, существующая литература, полевой экспедиционный материал, собранный автором в разные годы в местах расселения изучаемых этносов на северо-востоке КНР в Хулун-Буире и у отдельных выходцев из этого района в середине 80-х гг. прошлого века в г. Улан-Баторе. Ценность полевого материала особенно высока, потому что он приоткрывает некоторые страницы истории двух баргутских этносов, о которых нет сведений в письменных источниках.

Начну с истории баргутов, позже на северо-востоке Китая ставших известными как *старые баргуты*. Хотелось бы подчеркнуть, что за все время полевой работы в Хулун-Буире мне от наиболее авторитетных знатоков старобаргутской старины всегда приходилось слышать, что их предки – народ баргут – до прихода русских (по русским архивным источникам время появления первых русских на западной стороне Байкала датируется 1629 г. – Б.З.) по неизвестным причинам все до единого покинули свою родину около Байкала и ушли на восток. Раньше, в конце 70–80-х гг. прошлого века такую же информацию мне доводилось записывать от баргузинских старожилов Бурятии. По их словам, баргуты поголовно покинули Баргузин тогда, когда там стало расти белое дерево и стал водиться зверек с черными кончиками ушей. В фольклоре некоторых сибирских народов появление невиданных деревьев является сигналом надвигающейся беды. Но что или кто мог стать для баргутов олицетворением этой беды, неясно. Очевидно лишь, что они действительно ушли от Байкала до прихода русских¹. Выйдя из Баргуджин-Токума, сообщают китайские информаторы, баргуты дошли до Амура и стали жить в долине р. Уды. Во время войны Якса (Ягсаа дайн) они были уведены маньчжурами на юг вглубь китайской территории к Цицикару, а потом оттуда в 1732 г. были переброшены в Хулун-Буир для охраны границы между Китаем и Россией. Там от маньчжуров ими было получено название *старые баргуты*².

Получилось так, что история баргутов почти с самого их прихода на северо-восток Китая оказалась

тесно переплетена с историей маньчжуров. В частности, с ними связано появление в их названии дополнительного слова *старые*, в котором сфокусировалась вся их история в новом регионе. Почему баргуты были названы маньчжурами *старыми*?

Как известно, в конце XVI в. началось возвышение маньчжуров во Внутренней Азии, их государство проводило крайне агрессивную политику по отношению к другим народам. Ее осуществлению максимально способствовала выстроенная система знамен, сочетавшая в себе функции военного и гражданского управления. Для реализации своих далеко идущих экспансионистских планов маньчжуры в первой половине XVII в. придавали большое значение привлечению на свою сторону родственных северо-восточных тунгусских племен (варка, хурха, воцзи и др.) и пополнения за их счет армии, созданной в форме восьмизнаменных корпусов. Вначале этот вопрос решался путем насильственного гона населения в Мукден (старая, священная для маньчжуров столица их государства. – Б.З.) или Нингуту (крайний форпост Маньчжурского государства на северо-востоке. – Б.З.), позже маньчжуры стали прибегать к мирному переезду родов в эти места. После принятия маньчжурского подданства, получения значительных материальных вознаграждений и зачисления в знамена эти племена получали наименование *старые маньчжуры* и *новые маньчжуры*. Важно подчеркнуть, что старым маньчжурам предоставлялась такая большая привилегия, как уравнение в правах с коренными маньчжурами [14. С. 34, 37, 121–124].

Основное различие старых и новых маньчжуров видно из диалога, который состоялся в начале XVIII в. в ставке калмыцкого Аюки-хана с китайским посланником Тулишеном. Аюка-хан спросил: «Почему у вас называются Манжуры старые и Манжуры новые?», – на что Тулишен дал ответ: «Старые те, коих деда и отцы при первых наших государях Тайдзуе и Тайдзуне служили и с их Величествами в Мукдене жили, а новые, кои при нынешнем Государе в Пекин взяты с границ Мукденских» [15. С. 116].

Другие различия выявлены А.В. Рудаковым, который, опираясь исключительно на китайские источники, наиболее полно исследовал вопрос о старых и новых маньчжурах. Он подчеркнул, что большое значение для получения имен *старые* и *новые* имело время вступления племен в ряды знаменных войск. «К староманьчжурам, – указано им, – отнесены потомки тех маньчжуров, кои были приписаны к восьми знаменам до воцарения дайцинской династии на престоле Китая и оказали... видные заслуги на бранном поле первым основателям маньчжурского дома, Тай-цзу и Тай-цзуну» [12. С. 9, 12].

«К ново-маньчжурам, – продолжил А.В. Рудаков, – были отнесены: 1) второстепенные роды, не игравшие выдающейся роли в утверждении маньчжурского могущества... ново-маньчжуры существовали уже в период, предшествовавший перенесению столицы в Пекин (т.е. до 1644 г. – Б.З.); 2) приглашаемое и подчиняемое... маньчжуро-китайскому влиянию в эпохи Шунь-чжи и Кань-си взрослое население некоторых племен... [Там же. С. 9, 10].

С периода Шуньчжи новые маньчжуры рассматривались цинами как важная со стратегической точки зрения сила, с использованием которой предполагалась эффективная реализация стоявших перед государством задач. В 1692 г. было принято решение сформировать в Бодунэ 80 нюру (низшая ячейка знамени, условно рота. – Б.З.) с последующим их включением в знамена высшей группы. Эти знамена, по цвету боевого штандарта называвшиеся «желтое с каймою», «желтое простое» и «белое простое», входили в число привилегированных в маньчжурской армии. Из таких знамен, как пишет А.В. Рудаков, набиралась богдыханская, т.е. императорская, лейб-гвардия [12. С. 367, 368, 374].

В 1620 г. в гиринской провинции на западе Маньчжурии было создано первое монгольское знамя. А.В. Рудаков отмечает, что в четвертый год Тяньмин монголы аймаков сибо и гуалэча, находившихся южнее Нонни и Улы, говорившие на языке, схожем с языком корцинских монголов, признали подданство маньчжуров и рано были вписаны в знамя. Между ними существовало деление на *старых монголов* и *новых монголов* [Там же. С. 11].

Почти одновременно знамена стали создаваться на завоеванных землях Южной Монголии. Здесь самое раннее упоминание о монгольских нюру относится к 1621 г. [13. С. 155]. Первые более или менее полные сведения датируются серединой 30-х гг. А.В. Рудаков отметил, что после смерти чахарского Лигдан-хана монголы окончательно признали власть маньчжуров. Они стали вводиться в знамена. Из них все те, которые остались жить на прежних местах, получили наименование *вписавшиеся в знамена* и стали прозываться *старомонголами*. Другие, внесенные в знамена позже (после 1636 г.), стали называться *новомонголами* [12. С. 11].

В 1635 г. из «внутренних и внешних харачинских монголов» было сформировано 11 знамен. Восемь из них, различавшиеся, как и у маньчжуров, по цвету штандарта, были составлены из старых монголов, т.е. из тех, кто числился ранее в монгольских нюру в составе восьми маньчжурских знамен. Три знамени были составлены из новых монголов. О них источник сообщил лишь имена монгольских владетелей [13. С. 156].

Процесс создания знамен в Южной Монголии шел быстро. В 1638 г. там было 30 знамен, несколько позже – 49. Делами знамен ведало специальное учреждение в маньчжурском правительстве, называвшееся Монгольский ямынь. В 1638 г. оно было преобразовано в Лифаньюань (Палата по делам зависимых земель) [Там же. С. 157].

Кроме маньчжуров и монголов, насколько удалось выяснить в литературе, названия *старые* и *новые* были у китайцев, тунгусоязычных солонов и монголоязычных олетов [12. С. 12; 16. С. 327; 17. С. 144, 147].

Изложенный материал, несмотря на свою скудость, позволяет сделать некоторые выводы. Его анализ показывает, что слова *старые* и *новые*, прибавлявшиеся маньчжурами к названиям вошедших в знамена этносов в комплексе с различными видами материального стимулирования, можно рассматривать как особые формы поощрения за вклад в дело укрепления маньчжурского государства и его армии. Этническая при-

надлежность этносов при пожаловании данными почетными наименованиями значения не имела. Для вознаграждения ими решающее значение имело время вступления этносов или их частей в знаменное войско. Если этнос был зачислен в него раньше, то ему присваивалось название *старые*, если позже – *новые*. Они не давались в зависимости от того, какая этническая общность раньше или позже прибыла на место своего постоянного расселения, как принято сейчас думать. Быть пожалованным словом *старые* считалось более престижным по сравнению со словом *новые*, хотя цины после 1644 г. стали придавать большое значение привлечению в знамена новых маньчжуров, рассматривая их как важный стратегический резерв. Знамен, в составе которых были этносы со словами *старые* и *новые* в названиях, видимо, было немного. Выставляемые ими войска относились к числу элитных у маньчжуров.

Последний тезис можно проиллюстрировать характеристикой боевых качеств знаменных корпусов Хулун-Буира, из которых один целиком, другой частично были укомплектованы прибывшими туда старыми и новыми баргутами в начале второй трети XVIII в. Но прежде хотелось бы подчеркнуть, что войска трех новобаргутских знамен – желтого с каймой, желтого простого и белого простого – входили в число особо привилегированных или, как выразился информатор Хуасай Дугаржаб, лучших (монг. *жардын цэрэг*. – Б.З.) в маньчжурской армии³. Разумеется, они сыграли не последнюю роль в том, что войсковые подразделения баргутов Хулун-Буира, включая старобаргутские, обладали блестящими боевыми качествами, как о том писал исследователь региона, член Русского географического общества Ф. Боржимский. Приведу его текст: «Войска Хулунбуира, или, как их принято называть в виду их свирепости в разговоре, баргутские войска, до последнего времени считались наилучшими из провинциальных войск Китая и несли по указаниям Пекинского правительства тяжелую службу в походах в Центральной Азии для подавления мятежей... Выдающиеся боевые качества хулунбуирские войска приобрели благодаря постоянному пребыванию под знаменами и участию в ежегодных общих смотрах в Хайларе, где они тренировались и представлялись в лучшем виде; они существовали далеко не номинально, не на бумаге, как это целыми столетиями наблюдалось в провинциях Китая, в Монголии и в особенности в Халхе, а были и в действительности закаленными солдатами, с одним лишь недостатком – отсутствием современного оружия» [18. С. 18–19].

В 1630-х гг. маньчжуры совершили первые завоевательные походы на северо-запад [14. С. 73]. Цель этих походов заключалась в захвате аборигенных племен и их массовом угоне (в отличие от северо-востока, где было много случаев мирного переселения) на контролируемые территории. Мужчины зачислялись в войска, женщины и дети пополняли общую численность населения знамен.

В апреле 1640 г. маньчжурские войска на Среднем Амуре провели крупные операции по овладению солонскими городками Якса, Дочэнь, Асацзинь и До-

цинзнь. После упорных сражений они взяли Яксу, которая была центром солонской земли на Амуре. Пленные солонны были уведены на р. Нонни и включены в знаменные войска [19. С. 57, 58, 188].

В начале статьи, где приведены некоторые сведения об истории баргутов до прихода в Хулун-Буир, отмечено, что у них сохранились воспоминания о том периоде, когда их предки, уйдя от Байкала и достигнув Амура, стали жить на р. Уды. Во время разразившейся войны Ягсаа дайн (война Якса) они были уведены маньчжурами на юг, вглубь Китая.

В сообщениях информаторов обращают на себя внимание два названия: войны *Ягсаа дайн* и р. *Уды*. Оба они, что весьма примечательно, имеют прямое отношение к Среднему Амуре. В контексте Яксаких событий более чем очевидно, что *Ягсаа дайн* является названием прочно врезавшейся в историческую память баргутов войны за городок Яксу, а Уды была той самой р. *Уды*, на которой они жили до своего угона на юг от Амура. Эта река берет начало недалеко от Яксы, течет на северо-восток и впадает в Охотское море. Верхнее течение Уды до 70-х гг. XVII в. рассматривалось маньчжурами как зона их непосредственного влияния. В 1671 г. обитавшие по Уды тунгусы жаловались русским казакам, что приезжают «богдойского де царя люди... и ясак с них емлют». Они просили донести до русского царя, чтобы он «пожаловал их, тунгусов, велел от богдойских людей оборонить» [20. С. 281, 282].

Городок Якса был крайней точкой, которой достигли маньчжуры в ходе походов на северо-запад [19. С. 59]. Начиная с 1640 г. топоним Якса начисто исчез из цинских источников и вновь, после внушительного перерыва, появился в них в 1682 г. без предъявления абсолютно никаких доказательств как название отстроенного русскими в 1651 г. бывшего даурского городка Албазина. Причину этой фальсификации отечественные историки усматривают в осуществлении цинскими властями тонко рассчитанной тактики, применявшейся при выдвигании ими территориальных претензий к соседним государствам [14. С. 73, 201].

Со своей стороны, полностью признавая справедливость точки зрения российских ученых, считаю необходимым особо подчеркнуть, что если бы Албазин и вправду был городком Якса, то вблизи него протекала бы Уды. Но реки с таким названием на Верхнем Амуре нет. Поэтому исследование старобаргутской истории вносит дополнительную ясность в этот вопрос и показывает, что все связанные с подлинным городком Якса события происходили на Среднем Амуре.

Об этом же говорит один яркий этнографический факт. До настоящего времени старые баргуты зимой живут в войлочных юртах монгольского типа, а летом производят замену покрытия жилища. Крыша покрывается вырезанными по особому покрою камышовыми циновками, боковые стены закрываются полотнищами из крепко сшитых между собой тонких тальниковых прутьев. Другими монгольскими народами такой материал для покрытия жилища никогда не применялся. Его не знали и народы байкальского региона. Обычай замены войлочной крыши юрты камышовой свиде-

тельствует о том, что старые баргуты кроме жилища для постоянного проживания некогда имели несложное по конструкции сезонное жилище, использовавшееся при выполнении некоторых хозяйственных работ. В близлежащих регионах похожий тип жилища, воздвигаемый в местах рыбной ловли, где по берегам рек под руками всегда имелся в изобилии необходимый для его изготовления материал в виде камыша и тальника, был распространен на Нижнем и Среднем Амуре. В начале XX в. подобное жилище бытовало у живших в среднем течении Амура эвенков манегров и бираров [21. С. 111]. Важно отметить, что сейчас в Хулун-Буире юрта с такой же камышовой крышей, как у старых баргутов, имеется у тунгусоязычных солоннов. У них также сохранился обычай с наступлением тепла производить смену покрытия жилища. Если учесть тот факт, что предки старых баргутов, покинув Баргуджин-Токум и дойдя до Среднего Амура, жили недалеко от солоннов на р. Уды, то это говорит о том, что жилище с камышовым покрытием было заимствовано ими в этом регионе и в начале XVIII в. принесено с собой в Хулун-Буир.

Таким образом, рассмотрение материала, связанного с топонимом *Якса*, гидронимом *Уды*, названием битвы *Ягсаа дайн* убедительно доказывает факт пребывания баргутов на Среднем Амуре после исхода из Баргуджин-Токума и одновременно служит надежным основанием для определения даты их угона в южные районы Китая в ходе Яксакой войны.

Старые баргуты говорят, что их предки с Уды были переселены на юг к Цицикару, хотя, на мой взгляд, они могли быть уведены дальше, в те районы, где прошла линия границы Цинской империи на северо-востоке, получившая название Ивовый Палисад. Ведь маньчжурами поход на Амур был предпринят исключительно для того, чтобы захватить пленных и привести их на свою твердо контролируемую территорию для зачисления в знаменные войска. Таковыми и были районы, прилегающие к Ивовому Палисаду. Там баргуты, надо полагать, после принятия китайского подданства были включены в маньчжурское знамя и удостоены почетного названия *старые баргуты*. Получение его, как теперь становится понятным, произошло не в Хулун-Буире и не в 1732 г., как утверждают информаторы и ошибочно полагают исследователи [9. С. 2; 10. С. 359], а между 1640 и 1670 гг. В 1640 г. состоялся разгром солонского городка Яксы и увод живших там баргутов на юг, где они были зачислены в знаменное войско; на 1670 г. приходится, отмечу, забегая немного вперед, первое упоминание в источниках названия другой баргутской группы в Монголии и Хулун-Буире – *новые баргуты*. Поэтому название *старые баргуты* не могло возникнуть позднее этого второго наименования, т.е. после 1670 г.

При изучении вопроса, почему возникновение названия *старые баргуты* стало относиться к Хулун-Буиру, складывается следующая картина. Выше отмечалось, что маньчжуры при вознаграждении этносов наименованиями *старые* или *новые* помимо заслуг перед государством руководствовались таким критерием, как время их вступления в знаменные войска.

После прихода в начале 30-х гг. XVIII в. двух баргутских групп к Аргуни, что стало важнейшим этапом в их истории, произошел пересмотр, что вполне допустимо, содержания этих слов. Это было обусловлено, как мне представляется, желанием связать происхождение названий *старые баргуты* и *новые баргуты* с Хулун-Буиром, ставшим для их обладателей новой родиной. Смысл данных наименований, интерпретированных в духе народной этимологии, стал пониматься так. Когда в 1732 и 1734 гг. в Хулун-Буир пришли две баргутские группы, то маньчжуры, чтобы отличать их друг от друга, дали им новые названия. Группу, пришедшую туда первой, они назвали *старые баргуты*, пришедшую двумя годами позже – *новые баргуты* [8. С. 92; 22. С. 38].

Поскольку смысл заново истолкованных слов *старые* и *новые*, что видно из приведенного текста, не имеет ничего общего с семантикой тех компонентов, которые присоединялись маньчжурами к названиям этносов при зачислении в знаменные войска, то это может означать только то, что наименование *старые баргуты* появилось после Яксы в районе южнее Цицикара между 1640 и 1670 гг. Отнесение его к Хулун-Буиру и к 1732 г. ошибочно и заведомо обрекает исследователей на неверные подходы к изучению старобаргутской истории. Важно уяснить, что к этому времени старые баргуты, как и новые баргуты в 1734 г., давно числились в регулярной армии. Обе группы задолго до Хулун-Буира назывались *старыми* и *новыми*.

Что касается Цицикара, то по источникам известно, что от него баргуты в 1732 г. по указу Цинского императора Канси были посланы к Аргуни для постоянной службы на границе. Поэтому название резиденции хэйлунцзянского цзянцзюня, заслонив собой более ранние топонимы, отложилось в памяти баргутов как то место, куда они были приведены маньчжурами с Амура.

Высказывалось мнение, что в конце XVII в. император Канси издал указ о приобщении живших вблизи Цицикара старобаргутов к земледелию. Но те не захотели расставаться с привычным укладом жизни и в знак протеста стали заниматься грабежом оседлого маньчжурского и китайского населения. Это вынудило цинские власти выселить старых баргутов за Хинган на пустующие земли Хулун-Буира [3. С. 14–16].

Однако истинные мотивы переселения старобаргутов были другими. Они возникли в связи с тем, что Цинское правительство возложило на монголов (в широком смысле) несение караульной службы на северных рубежах империи [23. С. 215]. Поэтому в 1732 г. два знамени старых баргутов из находившейся под Цицикаром местности Будха были направлены в Хулун-Буир, где с шестью солонскими знаменами образовали одну восьмизнаменную военно-административную единицу [24. С. 34–35]. Что касается предположения, что старобаргуты пришли в Хулун-Буир в середине XVII в. из Халхи [3. С. 16; 7. С. 45], то оно своего подтверждения не находит.

Теперь об истории новых баргутов. Ее раскрытие следует начать с конца 20-х гг. XVII в., когда благодаря русским появились первые сведения о населении

около Байкала. Общая обстановка в регионе характеризовалась сложными межэтническими отношениями, ее стержневую линию составляли прочно сложившиеся между племенами отношения господства и подчинения. В таких условиях интересы каждого этноса заключались в приобретении более сильного повелителя, способного стабилизировать жизненные условия своих подданных и надежно защищать их от нападения извне [25. С. 15, 17].

Ситуация отягчалась тем, что коренное население находилось в зависимом положении от живших южнее монголов и подвергалось их постоянным набегам по сбору дани. Вся его территория была поделена на сферы влияния между халхаскими Тушету и Цэцэн-ханами, владельцами крупных уделов на Селенге Турухай-табуном (в источниках его властитель упоминается по искаженно написанному титулу *тавнан*, что со словом *турухай* означает «его высочество ханский зять»). Он приходился зятем Цэцэн-хану. Подлинное имя неизвестно. – Б.З.) и Кунтациным (искаженное написание титула *хун-тайджи*, истинное имя его обладателя также неизвестно. – Б.З.).

В отечественной науке данничество у монголов как способ эксплуатации лесного населения к северу от Халхи не изучено. Однако важно указать, что зависимые от монголов племена по западную сторону Байкала (Предбайкалье) сами имели данников, или кыштымов, в лице приенисейских «кетских» (асаны, арины и др.) и ангаро-ленских тунгусских племен, формы принуждения и зависимости между которыми были изучены такими крупными специалистами по истории Сибири, в том числе Байкальского региона, как А.П. Окладников, С.А. Токарев и Е.М. Залкинд.

По мнению А.П. Окладникова, зависимость кыштымов от их владельцев выражалась в сложной совокупности отношений от регулярного сбора дани до отработок, когда кыштымы семьями уводились на определенный срок в улусы для выполнения разных, главным образом земледельческих, работ [26. С. 319–328].

С.А. Токарев усомнился в наличии отработочной ренты как не подтверждаемой источниками. Изучив обширный материал, он пришел к заключению, что существовали две формы зависимости кыштымов: уплата дани, игравшая основную роль, и выставление ополчения, нередко выполнявшего самостоятельные задачи [27. С. 144–146, 154, 155].

Е.М. Залкинд согласился с тем, что существовали две формы повинности кыштымов. Обязательства между ними и их повелителями были взаимными: первые платили ясак и выставляли вспомогательное войско, вторые заботились об охране кыштымов и поддержании мира на их территории [25. С. 16].

Что касается Забайкалья, то жившее там и частично на западной стороне Байкала единственное автохтонное монголоязычное племя хори своих кыштымов не имело. Оно находилось в сильной и к тому же двойной даннической зависимости от монголов: упоминавшихся Турухай-табуна и Цэцэн-хана. Какие формы эксплуатации практиковались Турухай-табуном по отношению к хоринцам? Енисейский воевода Пашков в 1655 г. сообщил в Сибирский приказ, что на Хилке группа

казаков, которая везла с Шилки государеву соболиную казну, подверглась нападению. «...Приходили, – писал он, – братские немирные мужики улусные люди Турукая Табуна те ж, которые, государь, в прошлом во 159 г. (1650 г. – Б.3.) побили твоево государева посланника... Ярафея Заблоцково... На том бою они служилые люди... братских немирных мужиков многих людей побили и твою государеву соболиную казну отстояли» [28. С. 204].

В отписке воеводы говорится о «братских немирных мужиках» Турухай-табуна. Поскольку эти «мужики» названы «немирными» и к тому же «братскими», то речь идет о данниках Турухай-табуна и созданном из них вспомогательном воинском отряде. Этот отряд, подобно тем, которые выставлялись кыштымами на западной стороне Байкала, выполнял данные повелителем задания. Таковыми были нападение на царскую соболиную казну, а годом раньше – покушение на Байкале на ехавшего, между прочим, к монгольскому Цэцэн-хану русского посла Заблоцкого.

По источникам убийство царского посланника совершили хоринцы [29. С. 328]. Этот факт однозначно свидетельствует о том, что они были иноплеменными данниками Турухай-табуна и в этом качестве составляли его вспомогательное войско. Другая форма зависимости – прямая выплата дани натурой – в источниках не выявляется. Но это не говорит о том, что ее не было вовсе. Труд жен и детей, вместе с мужьями отправлявшихся во вспомогательное войско, широко использовался в хозяйстве Турухай-табуна: пастьбе скота, выделке кожи, изготовлении войлока, шитье одежды и т.д. Эта форма повинности была тесно сросшейся с первой, и вычленив ее отдельно невозможно.

Таким образом, Турухай-табуном и, как будет видно дальше, Цэцэн-ханом в отношении хоринцев практиковались те же формы подчинения и принуждения, какие применялись бурятскими князьями к кыштымам на западной стороне Байкала. Это говорит о том, что монгольское данничество и предбайкальское кыштымство в основных чертах повторяли друг друга. Этому сходству не следует удивляться, так как речь идет фактически об одном явлении, бытовавшем на смежных территориях. Поэтому надо признать, что две формы зависимости приенисейских и тунгусских кыштымов от бурятских властителей были хорошо известны монголам и успешно воспроизводились ими на населении у Байкала.

В Забайкалье вся тяжесть монгольского данничества тяжелым бременем лежала на хоринцах. Близкое соседство с Халхой, чего нельзя сказать о племенах западнее Байкала, обусловило то, что они были двоюродными монголов. При покушении на царского посланника Заблоцкого хоринцы выступали как данники Турухай-табуна. Физически устранив посла, они, вероятно, опасаясь мести со стороны русских, ушли на восток Монголии [Там же], под защиту другого своего повелителя Цэцэн-хана, потому что главной обязанностью получателей дани по отношению к данникам, как установил Е.М. Залкинд, было покровительство в случае грозившей им опасности. В этом плане Цэцэн-хан, конечно, был понадежнее Турухай-табуна.

По источникам достаточно отчетливо прослеживается, что у Цэцэн-хана хоринцы отбывали ту же повинность, что и у Турухай-табуна, – выставляли вспомогательное войско, местом постоянной дислокации которого, вероятно, было левобережье верхнего течения Хилка, расположенное приблизительно на одинаковом расстоянии от Турухай-табуна и Цэцэн-хана. Там, между прочим, находились хоринцы перед атакой на соболиную казну московского царя. Надобность в этом войске в XVII в. у Цэцэн-хана в связи с начавшимися завоевательными войнами маньчжуров против монголов была высока.

В 1630-е гг. маньчжуры подчинили княжества Южной Монголии, что сильно встревожило халхаских Тушету-хана Гомбодоржа и Цэцэн-хана Шолоя. В 1646 г. в Халху бежал от маньчжуров сунитский князь Тенгис. Погоня во главе с военачальником Додо настигла его и учинила разгром. Гомбодорж и Шолой с целью предотвращения поголовного истребления сунитов выдвинули свои войска. Состоявшиеся осенью 1646 г. сражения вблизи горы Джагучи-ондур в местности Джаджи-булак нашли отражение в датированном тем же годом документе Лифаньюаня. Их описание приведено в статье упоминавшегося Д. Буяндэлгэра. Вначале Додо разбил двадцатитысячное войско Тушету-хана, а затем такое же по численности войско Цэцэн-хана, укомплектованное воинами из аймаков абаганар, баргу, хатагин и урянхан. Додо долго преследовал обоих ханов, но, узнав от пленных, что они достигли Селенги, прекратил погоню [9. С. 27–30].

В документе сказано, что в войске Цэцэн-хана были бойцы из аймака Баргу, т.е. баргуты. Думается, здесь под словом *аймак* имеется в виду *хошун* – низовая единица административного деления в составе аймака у монголов в доманьчжурский период. Поскольку подобной единицы *хошун* в первой половине XVII в. около Байкала не было, то документ дает понять, что в нем речь идет о баргутах из хошуна аймака Цэцэн-хана. Этими баргутами, как будет видно далее, были хоринцы, потому что из населения байкальского региона тесно связанными с монгольским ханом были именно они. Будучи даннически зависимыми от него людьми, хоринцы подолгу находились на востоке Халхи и даже в других ее районах, участвуя или самостоятельно выполняя поставленные повелителем задачи. Наглядным примером является соучастие хоринцев в 1646 г. в неудачно сложившейся битве с маньчжурами в Джаджи-булаке. Эта местность находилась, считает И.С. Ермаченко, в Центральной Халхе, западнее р. Толы [13. С. 80].

Но если в битве с Додо на стороне Цэцэн-хана сражались хоринцы, то почему они в документе цинского Лифаньюаня названы *баргутами*? Это слово имеет давнюю историю. В XIII в. степные монголы все племена Баргуджин-Токума называли *баргут*. Рашид-ад-дин этот феномен раскрывает так: «Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [30. С. 121]. В процитированном тексте «Сборника летописей», что

крайне важно уяснить, слово *баргут* использовано не как этноним одного баргутского племени Забайкалья, а как *коллективное прозвище* (курсив мой. – Б.З.) всего населения по обе стороны Байкала, данное ему по наименованию той территории, какую оно занимало, – Барга или Баргуджин-Токум. Если семантика само-названия *баргут*, несомненно полученного от степняков юга, – «грубый, некультурный, неотесанный» [31. С. 1108], то значение идентично звучавшего прозвища иное – «жители Барги или Баргуджин-Токума».

Что касается бытующего мнения, что в отрывке из «Сборника летописей» слово *баргут* является этнонимом и параллельно названием племенного союза, якобы существовавшего в XIII в. по обе стороны Байкала и возглавлявшегося баргутами [32. С. 7, 14], то оно безосновательно. В указанное время никаких реальных предпосылок для объединения племен Баргуджин-Токума, входивших в состав Монгольского государства, в союз, охватывающий к тому же оба берега Байкала, не было. Не случайно в источниках каких-либо свидетельств, подтверждающих данную точку зрения, отыскать невозможно.

Понятно, что если монголы прозвище *баргут* прилагали ко всему населению Баргуджин-Токума, то они называли этим словом и отдельные этнические группы региона. Оно чаще всего использовалось по отношению к хоринскому племени, которое, будучи зависимым от Цэцэн-хана, подолгу находилось в Восточной Халхе. По материалам Б.О. Долгих, во второй половине XVII в. до 40% хоринцев обычно оставались в пределах этой части Монголии, входя в состав населения знамен, созданных по распоряжению цинских сюзеренов Цэцэн-хана. Цифра немалая, если учесть, что, например, в 1687 г. численность всего хоринского населения по обе стороны границы округленно составляла 5 800 человек (рассчитано по: [29. С. 331, 334]). Поэтому вполне закономерно, что придуманное монголами прозвище *баргут* наиболее прочно прицепилось именно к хоринцам.

В XVII в. вслед за монголами *баргутами* стали называть хоринцев маньчжуры, что видно из документа Лифаньюаня от 1646 г. То, что монголы и маньчжуры прозывали хоринцев *баргутами*, в том числе и в письменных источниках, не проходило бесследно для последних. В русских архивных документах середины XVII в. выходившие из Монголии хоринцы изредка проходят под именем *баргут* [Там же. С. 327]. Вероятно, так называла себя некоторая часть молодых хоринцев, у которых после частого и долгого пребывания в Халхе происходили подвижки в сторону смены этнического самосознания. Однако в то время отдельные подобные проявления на общую картину не повлияли. Хоринцы в России в многочисленных источниках конца XVII – начала XVIII в., несмотря на частые уходы и выходы из Монголии, постоянно упоминаются под исконным именем *хори*. В целом ситуация скорее всего выглядела таким образом, что в Халхе хоринцы в общении с монголами и маньчжурами называли себя *баргутами*, а в разговорах между собой, что вполне естественно, – своим настоящим именем *хори*. Поэтому сообщения тех информаторов, которые утвержда-

ют, что прибывшие в 1734 г. из Цэцэн-ханского аймака в Хулун-Буир хоринцы называли себя *новыми баргутами*, близко к истине⁴. К этому времени прозвище *баргут* со словом *новые* ощутимо придвинулось к той черте, за которой оно становилось самоназванием.

Положение хоринцев, которые навсегда остались в Китае (в 1730–1732 гг. из 13 700 хоринцев 63% были подданными России, 37% – подданными Китая [Там же. С. 332]), резко поменялось после 1727 г. Установление государственной границы, закрывшее им доступ в Россию, долгое проживание в условиях тотальной зависимости от маньчжуров, плотное иноэтническое окружение, полный отрыв от материнского этноса – племенной общности хори – и, как следствие всего этого, резкое сокращение и нивелирование основных этнических признаков привели к тому, что у этих хоринцев после переселения в 1734 г. из Халхи в Хулун-Буир произошла коренная смена этнического самосознания и самоназвания. Прозвище *баргут* со словом *новые* приобрело у них этническую окраску и стало пониматься как этноним, а себя они стали осознавать отдельной от забайкальского племени хори этнической единицей, называющейся *шинэ барга*. Завершение процесса перемены этнической принадлежности и окончательное сложение новобаргутского этноса относятся к концу XIX в. В это время в культуре новых баргутов, исключая в некоторой степени язык, исчезли последние черты, связывавшие ее с предыдущей хоринской⁵. Нынешние новобаргуты единодушны в том, что не имеют ничего общего с живущими около Байкала бурятами-хоринцами и что их прямые предки пришли в Хулун-Буир из соседней Халхи⁶.

В 1655 г. маньчжуры приступили к организации знаменной системы в Халхе, позволявшей держать правителей и все ее население, как ранее в Южной Монголии, под постоянным и жестким контролем. Делами знамен ведал Лифаньюань. В Халхе восемь первых знамен были созданы в Тушету и Цэцэн-ханском аймаках и крупных княжествах. В аймаке Цэцэн-хана дзасаком единственного знамени был назначен сын Цэцэн-хана Бабу. В него, помимо халхасов, были включены называвшиеся *баргутами* хоринцы. Так как это знамя, как все халхаские, подразделялось на правое и левое крыло [33. С. 54–55, 87], то можно предположить, что одно крыло составляли хоринцы, другое – халхасы.

Семь следующих знамен в Цэцэн-ханском аймаке возникли в 1689 г. После Долоннорского съезда (1691), когда Северная Монголия была присоединена к Цинской империи, было создано еще четыре знамени. В 1713 г. в аймаке было 21 знамя. Разумеется, хоринцы в это время были сосредоточены не в одном знамени, как в 1655 г., а распределены по нескольким знаменам [33. С. 55, 86–89; 34. С. 161–162].

В 1675 г. в Пекин для обсуждения с Цинским правительством вопросов двусторонних отношений было направлено русское посольство во главе с Н. Спафарием. Путь посольства пролегал через Маньчжурию и в точности повторил маршрут ездившего в Пекин в 1670 г. другого русского посланника И. Милованова [35. С. 173]. Материалы И. Милованова в виде своеобразной па-

мятки для лучшей ориентации в незнакомой Сибири до поездки были доставлены Н. Спафарию, а потом в форме отдельных выписок включены издателями в книгу о его путешествии в Пекин. Из этих выписок видно, что после перехода Аргуни, на китайской стороне, И. Миловановым была сделана такая запись: «А от Аргуни до Гана и до Кайлара реки; а меж теми реками кочуют Мугальские царя Чеченкановы люди Баргуты» [36. С. 156]. Если учесть, что Чеченкан – это халхаский Цэцэн-хан, то данный факт, несомненно, говорит о том, что в записи И. Милованова под фразой «Чеченкановы люди Баргуты» имеются в виду хоринцы.

Здесь хотелось бы сделать небольшую ремарку о восточной границе аймака Цэцэн-хана. Встреча И. Милованова с баргутами между реками Ган (совр. Гэньхэ) и Хайлар состоялась на восточной стороне оз. Хулун, которая во владения Цэцэн-хана никогда не входила. При выделении родоначальником халхаских ханов Гэрэсэндэ уделов своим сыновьям четвертому сыну Амин-дуралу достались земли на востоке Халхи. Здесь Амин-дурал по обоим берегам Керулена основал свои кочевья, где в конце XVI в. возник аймак Цэцэн-хана. Восточнее озер Хулун и Буир территория аймака не распространялась [37. С. 157]. Однако баргуты (хоринцы) в 70-х гг. XVIII в., надо полагать, совершали частые кочевки с низовья Керулена или с р. Халха на восточный берег Хулуна в поисках хороших пастбищ. На этой территории и произошла встреча с ними И. Милованова.

Запись русского посланника лишней раз подтверждает тот факт, что в Халхе хоринцев прозывали *баргутами*. Но выясняется, что баргуты, с которыми встречался И. Милованов, были не просто *баргутами*, а *новыми баргутами*. Конкретизируя свои наблюдения за Аргунью, он заметил: «А от Аргуни реки до Гана реки ехать Мугальского царя Чеченка новыми людьми Баргуты два днища; а те де Баргуты кочевные... От Гана до Кайлару же реки ехали три днища... А меж теми Ганом и Кайларом реками кочуют те ж Баргуты» [36. С. 157].

Ценность процитированного сообщения И. Милованова в том, что в нем впервые упомянуто полное название хоринцев в Монголии – *новые баргуты*. Автор примечаний к дорожному дневнику Н. Спафария Ю.В. Арсеньев, касаясь записи И. Милованова, заметил, что «выражение “новые люди”, употребленное Миловановым, как будто указывает на недавнее тогда появление Баргутов в речной области Аргуни» [Там же. С. 197]. Здесь сказалось явное незнание материала о баргутах Ю.В. Арсеньевым. Он не понял, что слово *новые* является частью сложного названия *новые баргуты*. А ведь примечания были написаны им в 1880 г., когда о баргутах уже были накоплены сравнительно неплохие для того времени знания. Если бы он был достаточно осведомлен в истории баргутов, в частности знал об их делении на *старых* и *новых*, то в своем примечании дал бы необходимое пояснение о новых баргутах хотя бы на уровне известных ему на тот момент сведений. Однако этого не было им сделано.

Но как бы ни было, теперь имеются все основания утверждать, что благодаря записям русского послан-

ника в Пекин И. Милованова стали известны две основные опорные даты, которые позволяют безошибочно определить, что слово *новые* как компонент прозвища *баргуты* появилось у хоринцев между 1655 и 1670 гг. в Восточной Халхе, и за счет этого внести существенные коррективы в новобаргутскую историю. Первая дата, 1655 г., основана на том, что тогда хоринцы, напомним, были зачислены в знаменное войско. Ко времени встречи с И. Миловановым в 1670 г. они уже назывались *новыми баргутами*. Получение наименования *новые* имело для хоринцев огромное положительное значение. Оно явилось отражением произошедшего в середине 50-х – 60-х гг. важнейшего изменения в социальном статусе хоринцев: они из даннически зависимых людей, составлявших вспомогательное войско и отбывавших в такой форме повинность Цэцэн-хану, превратились в бойцов регулярной армии, подчинявшихся маньчжурскому императору.

Отмеченная перемена в малой степени была облегчена тем, что хоринцы до 1670 г. приняли подданство Цэцэн-хана. На это косвенно указывают записи И. Милованова, это же, раскрывая внутреннее и внешнее положение племен иноверцев Иркутской губернии в обозримом прошлом, недвусмысленно дал понять надворный советник при Иркутском генерал-губернаторе Франц Ланганс. В 1789 г. он писал: «По вернейшим известиям названия родов их (российских монголов. – Б.З.) следующие: Цонгол, Сартол, Табангот, Хатагин, Езен, Подгородный, Хоринцы. До вступления в Российское подданство... последние (т.е. хоринцы. – Б.З.) были в подданстве у монгольского же Цецен-хана» [38. Л. 48].

Точное установление временного диапазона, в границах которого возникло название *новые баргуты*, согласуется с сообщениями источников, что непосредственные предки новобаргутов хоринцы пришли к Аргуни из Восточной Халхи, где они входили в знаменные войска и назывались халхасами и маньчжурами *новыми баргутами*. В то же время, хотелось бы подчеркнуть особо, оно говорит об ошибочности бытующего мнения, что наименование *новые баргуты* возникло в 1734 г. в Хулун-Буире, а в его основу положен факт более позднего прибытия новобаргутской общности в данный район по сравнению со старобаргутской [8. С. 92; 10. С. 361]. От всех известных к настоящему времени публикаций выгодно отличается работа монгольского исследователя Б. Нацагдоржа, в которой с совершенно новых позиций исследована новобаргутская история на примере одного яркого и в то же время во многом трагического эпизода – истории неудачной попытки побега в 1730 г. крупной группы новых баргутов из Восточной Халхи в Россию. Автор на основе новых монгольских архивных источников конца XVII – первой половины XVIII в., дополненных материалами русских архивов, установил, что та группа, которая стала известна в Цэцэн-ханском аймаке Халхи как *новые баргуты*, была пришедшими от Байкала хоринцами. Их роды объединялись общим названием *новые баргуты* и входили в состав знаменных войск. Слово *барга*, резонно пишет Б. Нацагдорж, не следует рассматривать как конкретный этноним.

Оно было наименованием всех этнических групп около Байкала. Поэтому в цинских документах хоринцы назывались *баргутами*, в русских – *братскими*. Это была, справедливо подытоживает автор, одна и та же хоринская группа, по-разному называвшаяся по обе стороны государственной границы [39. С. 101–117].

Выше говорилось, что во второй половине XVII в. до 40% хоринцев постоянно находились в Восточной Халхе, составляя население созданных маньчжурами знамен. Было отмечено, что в 1730–1732 гг., накануне переселения в Хулун-Буир, из 13 700 человек всего хоринского населения 37% являлись подданными Китая. Они были ближайшими и непосредственными предками нынешних новых баргутов. В этом пятитысячном населении был представлен весь спектр этнического состава хоринцев в виде как 11 основных родов, так и их боковых ответвлений кукуров, о чем свидетельствуют известные ныне полные списки новобаргутских родов [22. С. 14; 40. С. 120–134].

Служба в знамени была непростой. Помимо чисто ратных дел она включала отбывание почтовой повинности, службу пастухами при казенных табунах, несение охранной службы на границе с Россией и др. [41. С. 48–49]. Тяготы службы, непомерный рост налогов и других податей в связи с войнами цинов против Джунгарского ханства вынудили весной 1730 г. большую группу новобаргутов и халхасов из Цэцэн-ханского аймака решиться на побег в Россию. Требование остановиться и вернуться в войска было проигнорировано. О численности бежавших в монгольских источниках приводятся такие данные: население четырех сомонов из 12 полностью, из остальных сомонов – по 2 или 3 бошиг (младший командный чин в роте, унтер-офицер. – Б.З.) со своими людьми [39. С. 108].

Данные о новобаргутском побеге попали в русские источники. В них говорится, что в 1730 г. 2 132 юрты (2 261 «боец») вышли на Онон в пределы России. Среди бежавших 1 010 человек были хоринцы. Их, как подданных Китая, в соответствии с условиями Кяхтинского договора 1727 г. задержали на границе с целью обратной высылки в Халху. 1 443 юрты были высланы в том же 1730 г., остальные – год спустя «движением на них войск», т.е. нерчинских служилых людей и тунгусов [29. С. 330]. Некоторая часть выходцев, 37 юрт,

отказалась возвращаться в Халху. К ним была применена суровая мера. Они были связаны, отвезены на границу и там сданы монгольским караульным [42. С. 113]. Один из них, дзангин галзутского рода Шилдэй, был маньчжурами казнен [43. С. 99].

Важнейшим рубежом в истории новых баргутов стал 1734 г. В связи с доукомплектацией войск на аргунском участке границы они были переселены в Хулун-Буир. Прибыли 2 984 лиц мужского пола, из которых 2 400 человек были направлены в войска. Из них сформировали восемь знамен, которые в военном отношении представляли корпус [8. С. 93]. Три знамени, как отмечено выше, входили в число лучших в маньчжурской армии.

Подводя итоги исследования, отмечу следующее. Термины *старые* и *новые* в названиях *старые баргуты* и *новые баргуты* нельзя рассматривать как ничего не значившие по своей сути слова, полученные от маньчжуров только за то, что один этнос прибыл на место постоянного проживания в Хулун-Буире раньше, а другой – позже. Это были почетные наименования, которыми группы старых и новых баргутов были вознаграждены после вхождения в знаменные войска (старые баргуты – между 1640 и 1670 гг., новые баргуты – между 1655 и 1670 гг.) за определенный вклад в дело укрепления маньчжурского государства и его армии. Поэтому в них нашли отражение основные вехи истории двух байкальских этносов в Восточной Халхе и Маньчжурии в XVII – первой трети XVIII в. Носителями наименований *старые баргуты* и *новые баргуты* были баргуджин-токумовские баргуты и хоринцы, из которых последние с XIII в. степными монголами прозывались *баргутами*. Войска, укомплектованные подразделениями из этих этносов, относились к числу элитных у маньчжуров. Три новобаргутских знаменных войска входили в состав особо привилегированных в маньчжурской армии. В 1732 и 1734 гг. обе баргутские группы были переселены к Аргуни для несения пограничной службы. Хулун-Буир стал их новой родиной. На этой территории в результате окончательного отрыва хоринцев от материнской племенной общности хоринцев и утраты ими основных этнических признаков сложился новый этнос в этнической структуре монголов Китая, называющийся *новые баргуты* – *шинэ барга*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые записи автора (далее – ПЗА). Республики Бурятия, Баргузинский р-н, с. Элэсун, с. Баянгол. 1978, 1979 гг. (Информаторы: Дашина Будаев, 1898 г.р.; Жамбал Упанов, 1900 г.р.).

² ПЗА. Старобаргутский хошун, пос. Баян-Хурээ, г. Хайлар. 1998–2000, 2001, 2004–2006, 2008, 2015–2017 гг. (Информаторы: Хурлат Бямбаа, 1928 г.р.; Дулгачин Бямбаа, 1931 г.р.; Бодонгут Абида, 1915 г.р.; Хандсурен, 1941 г.р.; Монхша, 1947 г.р.; Буяндэлгэр, 1947 г.р.; Будагэрэл, 1948 г.р.; Худэр-Шулун, 1956 г.р.; Уинтэй, 1932 г.р.; Билигсүрэн, 1939 г.р.; Баяр-Далай, 1957 г.р.).

³ ПЗА. г. Хайлар. 1998–2000 гг. (Информатор: Хуасай Дугаржаб, 1910 г.р.).

⁴ ПЗА. г. Хайлар, г. Улан-Батор. 1985, 1998, 2000, 2001 гг. (Информаторы: Я. Шарийбуу, 1910 г.р.; Хуасай Дугаржаб, 1910 г.р.; Бодонгут Абида, 1915 г.р.).

⁵ ПЗА. г. Хайлар, г. Улан-Батор. 1985, 1998, 1999 г. (Информаторы: Я. Шарийбуу, 1910 г.р.; Ж. Олзий, 1918 г.р.; Ц. Пурэв, 1927 г.р.; Ц. Норжин, 1933 г.р.).

⁶ ПЗА. Новобаргутский Западный и Восточный хошуны, пос. Алтан Эмээл и Амгалан. 2015–2017 гг. (Информаторы: Сурэнжав, 1931 г.р.; Базарбийвээ, 1953 г.р.; Бабасан, 1944 г.р.; Гениндарма, 1943 г.р.; Морон, 1973 г.р.; Эрхэм, 1971 г.р.).

ЛИТЕРАТУРА

- Зориктуев Б.Р. К вопросу об этнической принадлежности общности байырку // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 64–71.
- Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит. РАН, 2011. 278 с.

3. Словарь монгольских терминов / сост. Заамур. окр. ротмистр Баранов. Харбин : Русско-Кит. тип. «Юань-дун-бао», 1907. А–Н. С. 1–138.
4. Словарь монгольских терминов / сост. Заамур. окр. подполк. Баранов. Харбин : тип. штаба Заамур. Окр. отд. корп. погран. стражи, 1911. О–Ф. С. 139–266.
5. Кормазов В.А. Барга. Харбин : Эконом. бюро КВЖД, 1928. 281 с.
6. Sundui. Erten-u baru yasutan. Tongliao : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2005. 233 t.
7. Нимаев Д.Д. Барга и баргуты // Материалы науч. конф. «Цыбиковские чтения-7». Улан-Удэ : Изд. БНЦ СО РАН, 1998. С. 44–46.
8. Tubšinnima Galjud. Baruγud-un teiken irelke. Kökeqota : Öbür Mongγol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 152 t.
9. Buyandelger Jiyaci. Qalq-a baruγ-yin egüsül irel // Mongγol arkivs. Kökeqota : Öbür Mongγol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 1–38 t.
10. Очир А., Гэрэлбадрах Ж. Халхын Засагт хан аймгийн түүх. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг ХХК, 2003. 462 т.
11. Mesige Qurlad. Baruγ-yin tobči teüke. Tongliao : Öbür Mongγol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2009. 252 t.
12. Рудаков А. Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции (1644–1902 гг.). Владивосток, 1903. Т. 1: Перевод Ци-линь-тун-чжи с дополнениями по новейшим китайским официальным данным. 574 с.
13. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1974. 192 с.
14. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1974. 245 с.
15. Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с описанием земель и обычаев российских / пер. с маньчжурского на русский язык коллегии Иностр. дел Надворный Советник Алексей Леонтиев. СПб. : при Импер. Академии наук, 1782. 166 с.
16. Федоров Д.Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент : Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1903. 327 с.
17. Цыбенев Б.Д. Олеты Хулун-Буира: миграции и родовой состав // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Улан-Удэ : Изд. БНЦ СО РАН, 2017. С. 143–157.
18. Боржигоний Ф. Краткое историко-географическое и статистическое описание Хулунбуирской области // Изв. Вост.-Сиб. отдела имп. Русского геогр. о-ва. Иркутск : Тип. Т-ва Печатного дела, 1915. Т. XLIV: 1915 год. С. 1–38.
19. История Северо-Восточного Китая. XVII–XX вв. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1987. 421 с.
20. Русско-китайские отношения в XVII в. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969. Т. 1: 1608–1683. 612 с.
21. Василевич. Г.М. Эвенки : историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л. : Наука, 303 с.
22. Öljei J. Baruγ Mongγul-un teüke. Tongliao : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 415 t.
23. История Монгольской Народной Республики. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1983. 661 с.
24. Buyandelger J. Eligen qayiratu qayučin baruγ. Tongliao : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1999. 279 t.
25. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. С. 46–60.
26. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937.
27. Токарев С.А. Буряты и их кыштымы в XVII в. / Зап. Бурят-Монг. научно-исслед. ин-т языка, лит-ры и истории. Улан-Удэ : Бурят-Монг. гос. изд-во, 1940. Вып. 2. С. 136–155.
28. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г.Н. Румянцев и С.Б. Окунь. Улан-Удэ : Тип. Мин-ва культуры БурАССР, 1960. 493 с.
29. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
30. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 221 с.
31. Монгольско-русско-французский словарь, составленный проф. О.Ковалевским. Т. 2. Казань, 1846.
32. Коновалов П.Б. Баргуджин-Тукум и этническая генеалогия бурят // Баргуты: история и современность : сб. науч. статей. Иркутск : Отгиск, 2016. С. 3–15.
33. Мэн-гу-ю-му-ци. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П.С. Попова. СПб., 1895. 487 с. + 92 с. указ.
34. Dugarjab Quvasai. Baruγ kübegetü sir-a qosiyun-u oyilaly-a. 1734–1948. Qayilar : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1995. 243 t.
35. Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII в. Хабаровск : Кн. изд-во, 1987. 511 с.
36. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введ. и прим. Ю.В.Арсеньева. СПб., 1882.
37. Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ» с пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 г. по 1736 г. СПб., 1883.
38. Государственный архив Красноярского края. Ф. 805. Ед. хр. 1. Д. 78.
39. Нацагдорж Б. Шинэ баргын орост босч очсон тухай өгүүлэх нь // «Баргын түүх, соёлын судалгаа». Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал. Улаанбаатар : Тоонотпринт ХХК, 2011 он. Т. 101–116.
40. Dugarjab Со. Baruγ oby-un irel egüsel. Tongliao : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2014. 135 t.
41. Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1980. 131 с.
42. Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савскаго пограничного правления Сычевским в 1846 году / сообщает В.Н. Баснин. М. : в Универ. типографии (Катков и К), на Страстном бульваре, 1875. 292 с.
43. Бурядадай түүхэ бэшэгүүд. Улаан-Удэ : Бурядадай номой хэблэл, 1992. 240 х.

Zorikuev Bulat R. Institute of Mongolian studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: enhe_z@mail.ru

THE NAMES OLD BARGUTS AND NEW BARGUTS AS REFLECTIONS OF EVENTS IN THE HISTORY OF TWO BAIKAL AREA ETHNICITIES IN THE 17TH AND THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY

Keywords: Tsetsen-Khan; Manchurian expansion; the Yaksa war; the Banner troops.

Barguts were part of the tribe of Khori named Barguts by Mongols and later by Manchu because of the inhabiting in Bargujin-Tokum. *The aim of research* is to reveal the origin of the words *old* and *new* in the names of Barguts ethnic groups which reflect the most important events of their history under Qing dynasty in Eastern Khalkha and Manchuria.

Objectives: to determine the meaning of names *old* and *new* given by Manchu to ethnic groups joined in with them; to reveal when and where the New war of Yaksa on mid-Amur region took place whereby Manchu carried Barguts deep into China; to study the background of appellation of Khori people by the name Bargut and to determine where and when this people was enrolled in banner troops.

The subject of the research is the little-known history of Old Barguts and New Barguts, two Mongolian ethnic groups of the north-east of China (Hulunbuir), of 17 – first third of 18 centuries. Ancestor of Old Barguts was the well-known in the Innermost Asia tribe of Barguts.

Source of information: existing literature, archive and field material collected by the author in Hulunbuir and beyond its limits. The exclusive importance of the field material is that it fills in the gaps in information on the ethnic groups in documents. The author used special methods of field work (mapping, mass personal inquiry of tradition bearers).

Conclusion. Names *old* and *new*, given by Manchu to ethnic groups which joined their colors, were kind of award for the consolidation of the state and the army. Barguts leaved the Baikal region and settled the mid-Amur region short of the Solon town Yaksa. In 1640 in the war for Yaksa Barguts were resettled to the border of the Manchu state and joined its colors. Between 1640 and 1670 this group was named Old Barguts. Khori were tributary of Tsetsen-khan and stayed long in his possession. Between 1655 and 1670 Khori being soldiers of regular Manchu army were named New Barguts. In Hulunbuir, Khori lost their ethnic identity and they accepted the name *Bargut*

with the adjective *new* as an ethnonym. The formation of the community New Barguts (Shine Barga) independent from previous maternal ethnos Khori dates from 19 century. In 1732 Old Barguts from Qiqihar and in 1734 New Barguts from Eastern Khalkha were sent for continuous service to the border of Hulunbuir.

REFERENCES

- Zoriktuev, B.R. (2016) The ethnicity of the Bayirqu population revisited. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Oriental Studies (Vestnik KIH RAS)*. 3. pp. 64–71. (In Russian). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-55-62
- Zoriktuev, B.R. (2011) *Aktual'nye problemy etnicheskoy istorii mongolov i buryat* [Topical problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Baranov. (1907) *Slovar' mongol'skikh terminov* [Dictionary of Mongolian Terms]. Kharbin: Yuan'-dun-bao. pp. 1–138.
- Baranov. (1911) *Slovar' mongol'skikh terminov* [Dictionary of Mongolian Terms]. Kharbin: tip. shtaba Zaamur. Okr. otd. korp. pogram. Strazhi. pp. 139–266.
- Kormazov, V.A. (1928) *Barga* [Barga]. Kharbin: Ekonom. byuro KVZhD.
- Sundui. (2005) *Erten-u baryu yasutan*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Nimaev, D.D. (1998) [Barga and Barguts]. *Tsybikovskie chteniya – 7* [The Tsybikov Readings – 7]. Proc. of the Conference. Ulan-Ude: SB RAS. pp. 44–46.
- Tubšinnima Galjud. (1985) *Barjučud-un teüken irelke*. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a.
- Buyandelger Jiyačidai. (2002) *Qalq-a barju-yin egüsül irel. Mongyol arkivs*. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a.
- Ochir, A. & Gerelbadrakh, Zh. (2003) *Khalkhyn Zasagt khan ayngiyn trykh*. Ulaanbaatar: Soembo printing XXX.
- Mesige Qurlad. (2009) *Barju-yin tobči teüke*. Tongliao: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a.
- Rudakov, A. (1903) *Materialy po istorii kitayskoy kul'tury v Girin'skoy provintsii (1644 – 1902 gg.)* [Materials on the history of Chinese culture in the Jilin province (1644–1902)]. Vol. 1. Vladivostok: [s.n.].
- Ermachenko, I.S. (1974) *Politika man'chzhurskoy dinastii Tsin v Yuzhnoy i Severnoy Mongolii v XVII v.* [Politics of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia in the 17th Century]. Moscow: Nauka.
- Melikhov, G.V. (1974) *Man'chzhury na severo-vostoke (XVII v.)* [Manchus in the northeast (17th century)]. Moscow: Nauka.
- Anon. (1782) *Puteshestvie kitayskogo poslannika k kalmytskomu Ayuke khanu, s opisaniem zemel' i obychaev Rossiyskikh* [Journey of the Chinese envoy to Kalmyk Ayuk Khan, with a description of Russian lands and customs]. Translated from Manchu into Russian by A. Leontiev. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Fedorov, D.Ya. (1903) *Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya Iliyskogo kraya* [Experience of military-statistical description of the Ili region]. Tashkent: Tip. Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga.
- Tsybenov, B.D. (2017) Olety Khulun-Buira: migratsii i rodovoy sostav [Olety Khulun-Buira: migrations and tribal composition]. In: Baldano, M.N., Varnavsky, P.K. & Nanzatov, B.Z. (eds) *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'* [Transboundary Migrations in Mongolia: History and Modernity]. Ulan-Ude: BNC SB RAS. pp.143–157.
- Borzhimsky, F. (1915) *Kratkoe istoriko-geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Khulunbuirskey oblasti* [Brief historical, geographical and statistical description of the Hulunbuir region]. Irkutsk: Tip. T-va Pechatnogo dela. pp. 1–38.
- Krushanov, A.I. (ed.) (1987) *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya. XVII-XX vv.* [History of Northeast China. 17th – 20th centuries]. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo.
- Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1969) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v.* [Russian-Chinese relations in the 17th century]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Vasilevich, G.M. (1969) *Evenki. Istoriko-etnograficheskiy ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [The Evenks. Historical and Ethnographic Essays (the 18th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
- Öljei, J. (2013) *Baryu Mongyul-un teüke*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Matveeva, L.V. (ed.) (1983) *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka.
- Buyandelger, J. (1999) *Eligen qayiratu qayučin baryu*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Zalkind, E.M. (1958) *Prisoedinenie Buryatii k Rossii* [Buryatia Joining Russia]. Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo. pp. 46–60.
- Okladnikov, A.P. (1937) *Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII – XVIII vv.)* [Essays from the history of Western Buryat Mongols (the 17th – 18th centuries)]. Leningrad: Sotsekgiz.
- Tokarev, S.A. (1940) Buryaty i ikh kyshtymy v XVII v. [Buryats and their Kyshtyms in the 17th century]. *Zap. Buryat-Mong. nauchno-issl. in-ta yazyka, lit-ry i istorii*. 2. pp. 136–155.
- Rumyantsev, G.N. & Okun, S.B. (1960) *Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek* [Collection of documents on the history of Buryatia. 17th century]. Ulan-Ude: Buryatia Ministry of Culture.
- Dolgiikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennyi sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Tribal composition of Siberian peoples in the 17th century]. Moscow: USSR AS.
- Rashid-ad-din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. 1(1). Moscow; Leningrad: USSR AS.
- Kovalevsky, O. (1846) *Mongol'sko-russko-frantsuzskiy slovar'* [Mongolian-Russian-French Dictionary]. Vol. 2. Kazan: [s.n.].
- Konovalev, P.B. (2016) Bargudzhin-Tukum i etnicheskaya genealogiya buryat [Bargudzhin-Tukum and Buryat ethnic genealogy]. Bazarov, B.V. (ed.) *Barguty: istoriya i sovremennost'* [Barguts: history and modernity]. Irkutsk: Ottisk. pp. 3–15.
- Meng-woo-hoo-chi. (1895) *Zapiski o mongol'skikh kochevyakh* [Notes on the Mongolian Nomads]. Translated from Chinese by P.S. Popov. St. Petersburg: [s.n.].
- Dugarjab Quvasai. (1995) *Baryu kübegetü sir-a qoshtyn-u oyilaly-a. 1734–1948*. Qayilar: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Myasnikov, V.S. (1987) *Imperiya Tsin i russkoe gosudarstvo v XVII v.* [The Qing dynasty Russia in the 17th century]. Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1987. 511 s.
- Spafari, N. (1882) *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g.* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675]. St. Petersburg: [s.n.].
- Pozdneev, A.M. (1883) *Mongol'skaya letopis' "Erdeniyn erikhe" s poyasneniyami, zaklyuchayushchimi v sebe materialy po istorii Khalkhi s 1636 g. po 1736 g.* [The Mongolian Chronicle "Erdeniyn Erich" with explanations containing materials on the history of Khalkha from 1636 to 1736]. St. Petersburg: [s.n.].
- The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. Fund 805. Item 1. File 78.
- Natsagdorzh, B. (2011) Shine bargyn orost bosch ochson tukhay ogvylekh n'. In: *"Bargyn trykh, soelyn sudalгаа". Olon ulsyn erdem shinzhilgeenyi бага khural*. Ulaanbaatar: Toonotprint XXX. pp. 101–116.
- Duyarjab, Čo. (2014) *Barju oby-un irel egüsel*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Gorokhova, G.S. (1980) *Ocherki po istorii Mongolii v epokhu man'chzhurskogo gospodstva (konets XVII-nachalo XX v.)* [Essays on the history of Mongolia under Manchu domination (the late 17th – early 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
- Sychevsky, E.I. (1875) *Istoricheskaya zapiska o kitayskoy granitse, sostavlenneya sovetnikom Troitsko-Savskago pogramichnogo pravleniya Sychevskim v 1846 godu. Soobshchaet V.N. Basnin* [Historical note on the Chinese border, compiled by an adviser to the Trinity-Savsky border administration Sychevsky in 1846. Reported by V.N. Basnin]. Moscow: Katkov i K.
- Anon. (1992) *Buryaaday trykhe beshegyvd*. Ulaan-Ude: Buryaaday nomoy kheblel.